Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.

Farafonova, O. A. (2017). Oriental Travelogue by Pavel Sumarokov (“Leisure of Crimean judge or Second journey to Tavrida”). *Nauchnyy dialog, 7:* 70-82. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 82-94+821.161.1Сумароков.06
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82

Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду»)

© **Фарафонова Оксана Анатольевна (2017),** orcid.org/0000-0003-4205-6793, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия), oxana.faroks@yandex.ru.

Рассматривается мемуарный текст П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду» в контексте литературы путешествий XVIII—XIX веков. Работа выполнена в рамках поддержанного Российским государственным научным фондом (РГНФ) научного проекта «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII — начала XIX века”». Новизна исследования заключается в том, что особое внимание в статье уделяется нарративным стратегиям автора. Определяющими факторами в выборе последних являются направление путешествия («внутренний восток» Российской империи) и специфика видения автора-повествователя. Последняя связана с сопряжением классицистических и сентиментальных тенденций. Отдельно автор статьи останавливается на бинарных оппозициях, определяющих мироощущение путешественника: «запад — восток» и «столица — провинция». Первые части указанных оппозиций неизменно связаны с сентиментально-идиллическими переживаниями повествователя. В статье выявляется специфика образа повествователя, сопрягающего две ипостаси: сентиментальный путешественник и ответственный чиновник и гражданин. Внимание уделено также и проявлению в нарративных стратегиях путешественника-повествователя колонизуемого и колонизующего типов сознания. Автор останавливается также и на интертекстуальных связях анализируемого произведения. Делается вывод о недискретности повествовательной структуры «Досугов крымского судьи».

Ключевые слова: травелог; нарративные стратегии; ориентализм; сентиментализм; классицизм.

1. Векторы русских травелогов XVIII — начала XIX вв.

В XVIII веке путешествие становится для подданных Российской империи одновременно инструментом и формой освоения окружающего пространства. По направлению все травелоги XVIII века (равно как, очевидно, и последующего XIX столетия) подразделяются на европейские, ориентальные и внутрироссийские. Однако географическая специфика России такова, что путешествия внутри страны также могут быть подразделены по нескольким направлениям [Фарафонова, 2016, с. 263]. Это наглядно показала работа над составлением указателя русских травелогов [Печерская, 2016]. Отдельным направлением путешествий внутри империи следует считать ориентальное.

В глобальном смысле все русские травелоги XVIII—XIX веков так или иначе находятся в контексте бинарной оппозиции Запад и Восток. П. В. Алексеев в докторской диссертации, посвященной восточному тексту русской литературы, справедливо указывает, что «это две категории единой концептосферы русской культуры, которые не способны существовать одна без другой» [Алексеев, 2016, с. 3].

Следует отметить, что в российских травелогах XVIII—XIX веков очевидно фиксируется следующая тенденция: есть Запад внешний (Европа) и Запад внутренний (европейский север России — «Север», подразумевающий Санкт-Петербург прежде всего), аналогично и Восток — есть внешний (Оттоманская Порта, например) и внутренний. И если внутренний Запад — это четко обозначенная точка отсчета всех маршрутов русских путешествий, то внутренний Восток более разнообразен. Сюда по большому счету относятся все провинции империи. И даже Москва в этом определяющем русскую ментальность XVIII—XIX веков бинаре будет относится к Востоку.

П. В. Алексеев отмечает, что «“внутренние” ориентальные травелоги начала XIX века (в дополнение к концепту Кавказа) обособляются развитием ориенталистских оппозиций “Север — Юг”» [Алексеев, 2016, с. 29]. К текстам, в которых описываются путешествия во внутренний восток, исследователь относит, например, «Путешествие в полуденную Россию» (1800—1802) В. В. Измайлова, «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии» (1800) и «Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду» (1803) П. Сумарокова, «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию» (1803) М. Невзорова» [Алексеев, 2016]. Все эти тексты обладают некоторым типологическим сходством нарративных стратегий, которые могут быть определены в контексте антитезы «центр — экзотическая окраина».

Мы отдельно остановимся на травелоге Павла Ивановича Сумарокова «Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду», которое хронологически (и по времени совершения самого путешествия, и по времени издания записок о нем) должно относиться уже к первой половине XIX века, но нарративные стратегии, в нем задействованные, однозначно связывают этот текст с предшествующей эпохой.

2. Оппозиции «восток — запад» и «столица — провинция» и повествовательная структура в «Досугах крымского судьи»

Павел Иванович Сумароков волею судьбы и высочайшим повелением перебирается с Запада (из Санкт-Петербурга) на Восток (в Тавриду) в 1802 году. Это его второй «поход на Крым», первый описан им в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (издано в 1800 году). Следовательно, получив предписание ехать в Крым в качестве судьи, Сумароков вполне представляет себе место, куда должен отправиться. Оно не является для него совершенно неведомым пространством. Поэтому душа его «с легкостью пробегала Таврические степи и устроивала там новое <…> обиталище» [Сумароков, 1803, с. 3]. Возможно, тем, что у Сумарокова уже имелся опыт посещения Крыма, обусловлено и то, что он в самом начале «Досугов», предощущая, что его ожидает, сопоставляет «прелестный град» Санкт-Петербург, «горделивую Неву» и «места Петровы» со «страной Великой Екатерины», «мирной Тавридой».

Отметим в связи с этим, что в травелоге Сумарокова, помимо главенствующей оппозиции ориентального дискурса «Запад — Восток», явно прослеживается сопутствующая ей антитеза «столица — провинция». При этом обе части указанных оппозиций в контексте произведения Сумарокова не имеют однозначных характеристик. Так, «Запад» воспринимается автором прежде всего как дом, из которого он волею случая должен уехать. Прощание с этим «домашним» пространством описано в «Досугах» сентиментально-идиллически: перед отъездом Сумароков отправляется в Павловск и Царское село, где, прогуливаясь по паркам, размышляет о себе, своей участи, царях, народах и судьбах мира. Совершая эти прогулки, он определяет себя как «росса и гражданина», который, будучи «неповрежденным членом общества», конечно же выполнит свой долг, но как человек от «нечаянной новости» о своем назначении и скорой «перемены в жизни» находится в сильном смятении, «рассуждает как несмысленный младенец», не понимая «к добру или к худу» эти перемены. Таким образом, петербургское пространство, значимое для самоопределения Сумарокова, осознается им как безусловное свое, опорное, начало всех начал. Поэтому

он так болезненно воспринимает всякие вторжения в это пространство чужого и чуждого: *Дней за пять до моего отъезда обедал я у одного господина, у которого в доме царствовали мода и утонченный вкус. Все в нем изображало чуждые обычаи, перенятой порядок, стремление к подражанию странностей иностранных, и все в доме, начиная от швейцара до господина, от барыни до попугая болтало по-французски* [Сумароков, 1803, с. 4]. От этого иронического замечания Сумароков переходит к пафосно-просветительскому монологу: *Любезные граждане! Отторгните плену, застилающую понятия ваши, отрясите мрак от очей своих, вообразите себе, что ни татарин, ни калмык, ни вотяк, ни самоед не мерзит своим происхождением; то вы ли, увенчанные славою, покрытые лаврами, воспетые многими странами пожелаете отстраниться от своего племени?* [Сумароков, 1803, с. 7—8]. Противясь такого рода добровольной колонизации, Сумароков пишет далее: *Курящиеся верхи Альпов уставлены вашими трофеями, и Италия сплетает благодарные вам гимны. Разверните летописи древности и узрите, какою добротелью и каковою честностию отличались предки ваши <…> Ах! Уверьте себя, что слыть россиянином есть самый лестный и знаменитейший из всех титулов народных!* [Сумароков, 1803, с. 8]. «Причудливые господа», болтающие по-французски, этакие «чужестранцы в своем отечестве» противопоставлены у Сумарокова ему самому как истинному гражданину.

3. Колонизуемый и колонизирующий типы сознания как факторы, определяющий нарративные стратегии П. И. Сумарокова

По мнению П. В. Алексеева, Запад и Восток — это «бинар, репрезентирующий колонизующий и колонизуемый типы сознания» [Алексеев, 2016, с. 3]. В «Досугах крымского судьи» наряду с сознанием, воспринимающим любое иностранное как угрозу собственной идентичности, что выражается в уже отмеченном сопротивлении Сумарокова всяческому засилью иностранного (добровольной колонизации самих себя), особенно активно представлен другой тип сознания — колонизующий. Он проявляется уже в собственно крымском пространстве и является определяющим при выборе нарративных стратегий. Сумароков приехал в Крым как представитель власти, вполне осознавая то, какую ответственность на него это налагает. Рассуждения о долге и должности занимают значительное место в травелоге Сумарокова. Его самоопределение в этом смысле во многом сказывается и на том, как он воспринимает свое вынужденное путешествие и то пространство, в котором очутился: *Я судья! Но какой, по чести или по форме? Самопристрастие ручается за первое, а истина говорит: «Нет, еще по-*

смотрим» <…> я ужасался, сколь священно таковое звание, которое вводит тебя в союз с твоим Монархом, с его народом и вручает тебе закон к посредничеству между ними [Сумароков, 1803, с. 117]. О своей обязанности он рассуждает не только в личностном аспекте, но и в контексте более глобальном — историко-философском: *Переменяя на станции лошадей, я очень чувствовал, что нахожусь в татарской стране; ибо два татарина, мои вершники, покуривая трубки, кричала иногда* ***чу****, иногда* ***айда****. Еще нет четырех столетий, как присылаемые отсюда послы в Россию собирали дани, предписывали законы, упреки нашим Венценосцам, и привозили с собою страх; а ныне я скачу туда на почтовых и готовлюсь давать суд их беям и мурзам. Какая игра обстоятельств!* [Сумароков, 1803, с. 104].

4. Факторы, определяющие взгляд повествователя-путешественника

Сумароков, как любой автор текста о путешествии, стремится к точности изображения увиденного. Но, специфика жанра такова, что говорить об абсолютной объективности автора не приходится. Исключения могли бы составить отчеты о научных экспедициях, но и там субъективность иногда «проскальзывает». Путешественник не может совершенно абстрагироваться и беспристрастно фиксировать то, что попадает в поле его зрения. Даже статейные списки русских послов, при всей их сухости, отражают подчас и личные впечатления [Елизаветина, 1982, с. 237—240].

Восприятие Сумароковым окружающего его крымского пространства определяется сразу несколькими факторами. Во-первых, он понимает Тавриду для себя как место временного пребывания вне своего «европейского» пространства. Но так должно быть, поскольку все зависит от воли и произволения Государя. В данный момент он, Сумароков, нужен здесь для честного отправления должности судьи, но дальнейшую его судьбу «ведает Бог да Великий Государь». Поэтому «путешествием в Тавриду» называет он не только путь туда, но и пребывание внутри этого пространства. В диссертации П. В. Алексеева отмечается, помимо прочего, что «ряд важнейших особенностей путевой прозы конца XVIII — первой трети XIX века свидетельствует о том, что описания русских путешествий на Восток объединены не только направлением движения, но и концепцией “русского европейца на Востоке”» [Алексеев, 2016, с. 28]. С этим связан второй фактор, определяющий восприятие Таврического пространства автором «Досугов»: Сумароков ощущает это пространство как безусловно чужое и странное: *Нет вещи, которая не в странном представлялась бы виде; везде надобно остановиться и рассмотреть, узнать, и я столько же здесь иностранец, как был бы в Тунисе* [Сумароков, 1803, с. 116]. На-

ходясь в Крыму, Сумароков «оглядывается на Север, к просвещенному свету», постоянно ощущая эту оппозицию «здесь — там». Но, обладая критическим умом, он не идеализирует свое «там». Он постоянно сравнивает оба пространства, находя и в том, и в другом свои прелести и сложности, свои достоинства и недостатки.

И, наконец, третьим фактором, определяющим точку зрения автора-путешественника, является то, что он видит и описывает Крым как покоритель-колонизатор, который заботится о том, как лучше и с большей выгодой для империи использовать вновь обретенные территории. Сумароков предлагает довольно масштабные и смелые проекты по территориальной организации населения полуострова, беспокоится о прибылях, которые теряет держава из-за нерачительного использования крымских ресурсов. В его тексте довольно часто возникает слово «колонисты» как определение тех, кого следует переселить на прибрежные территории. Это, по его мнению, должны быть знающие толк в торговле и разведении садов греки, армяне или русские, но ни в коем случае не татары, которых следует переселить вглубь полуострова, дабы они там занимались скотоводством: *Сожалительно, что главное количество жителей в России, занимает северную ее часть, а все полуденные страны пребывают пустынными. Какие обилия, тучные пастбища, довольства, водяные сообщения и приятности климата предлагают оные собою. Время опоздало подвергнуть их нашей Державе, и многие еще потребны столетия к их населению* [Сумароков, 1803, с. 82].

Как русский европеец в диком крае, Сумароков высказывает довольно радикальные идеи: *как было бы хорошо, если бы татар тут вовсе не было* [Сумароков, 1803, с. 167—168]. И он находит такое место в Крыму — без татар. Это — Севастополь, который является для него символом того, что «владычествовавший Рим передал все свои права блестящей по Северу державе». Севастополь для Сумарокова — кусочек родного запада в ориентальном пространстве: *Странно и при том утешительно видеть в таком отдалении, посреди мусульманской страны, город европейского вкуса, в обитателях одних россиян, правильные улицы, обширные и хорошие дома и наши обычаи <…> повсюду раздаются песни спокойных соплеменников и минутное заблуждение переселяет тебя к твоему отечеству* [Сумароков, 1803, с. 193—194].

5. Классицистические и сентиментальные тенденции в травелоге П. И. Сумарокова

«Досуги крымского судьи», будучи произведением явно документальной ориентации, построено очевидно по образцу сентиментальной про-

зы: документальные факты, которыми изобилует травелог Сумарокова, перемежаются с субъективными переживаниями самого путешественника. Этим «Второе путешествие в Тавриду» существенно отличается от первого, в котором, по замечанию А. Шёнле, нет «ни цитат из Стерна или Карамзина, ни упоминаний о них, столь характерных для сентиментальных путешествий, ни даже сентименталистской риторики» [Шёнле, 2004, с. 229]. Более того, как отмечает Шёнле, в первом тексте Крым интересовал Сумарокова скорее в том смысле, что «мог бы стать урочищем русского классицизма, если бы Ломоносов и Александр Сумароков написали о нем» [Шёнле, 2004, с. 229]. Наверное, в этом нет ничего удивительного, учитывая родословную автора «Досугов крымского судьи». Классицистическое влияние заметно и в тексте о втором путешествии его в Тавриду. Оказавшись в Новгороде, например, он пишет: *Древнее его пространство меня удивляет. Я <…> отыскиваю печальные следы Трувора, представляю отчаянный его конец, воображаю чертоги, обагренные кровью нежной Ильмены, и внимаю скорбящим жалобам сих двух несчастных любовников* [Сумароков, 1803, с. 18]. Прогулка с книгой — явление, ставшее своего рода модой во времена сентиментализма, но книга, которая становится для Сумарокова «путеводителем» по Новгороду — трагедия его дяди, классициста, А. П. Сумарокова «Синав и Трувор». Крымское пространство (Тавриду) он также будет опознавать через традиционно классицистические маркёры: сюжеты античной мифологии и драмы. Даже пытаясь определить «первоначальный» народ, населявший территорию полуострова — тавры или кимвры, Сумароков использует в качестве аргумента сюжеты об аргонавтах и Ифигении: *Во-вторых, нет отдаленнее из происшествий Тавриды, убежища Ифигении, ставшей здесь жрицею Дианы, и проезда Язона с аргонавтами по Черному морю, что происходило не при кимврах, а при таврах в конце XII и в XIII веках прежде Рождества Христова* [Сумароков, 1803, с. 85].

Но изданные всего спустя пять лет после «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии» «Досуги» все же полны сентименталистской риторики, автор вполне дает волю и своей чувствительности, и своему воображению. Несколько раз в разных вариантах возникает в тексте «Второго путешествия» сентименталистская идея естественного равенства людей («сколько стран, столько и обыкновений», «все разные, но равные перед Богом»). Карамзина Сумароков не упоминает прямо, но то, как организовано повествование (от субъективно переживаемого факта внешней действительности к размышлению и обобщению), не оставляет сомнений, что «Письма русского путешественника» повлияли на автора «Досугов».

Зарисовка его о малороссиянах, их нравах и обычаях также указывает на значимость для Сумарокова определенных сентименталистских тенденций: он описывает быт и нравы провинциальных жителей (москвичей или малороссиян — неважно) в сравнении с нравами и бытом жителей столицы, обнаруживая в последних тщеславие, гордость, праздность и роскошь. Провинциальные жители, напротив, «не чинятся», всегда естественны и скромны, все поголовно добры и искренни.

Важной частью повествования в «Досугах» становится обязательный для сентиментального произведения диалог между автором-повествователем и читателем. «Письма русского путешественника» Карамзина как текст, заложивший основы русской сентиментальной прозы, или давшее свое название целой эпохе «Сентиментальное путешествие» Стерна демонстрировали (каждое произведение по-своему) диалогическую установку «на читателя».

Что мне до твоих жидов? — Кричит грозный мой читатель; Ну теперь я к вашим услугам, давайте говорить о Харькове; Читатель, конечно, догадается; Я вижу, что читатель хочет позабавиться на наш счет… пусть вообразит [Сумароков, 1803, с. 48—49] — это лишь небольшая часть подобных «прямых» обращений к читателю в «Досугах» Павла Сумарокова.

Однако влияние сентиментальной традиции на Сумарокова явно не ограничивается только Карамзиным. У нас нет прямых доказательств того, что Павел Сумароков мог читать, например, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, но, помня эту почти детективную историю с уцелевшими неясно в каком количестве и неведомо как и у кого оказавшимися экземплярами книги [Анучин, 1950], не будем исключать этой возможности. Тем более, что в тексте Сумарокова удивительным образом обнаруживаются почти прямые переклички с романом Радищева. Сравним:

(1) Радищев: *Я зрел себя в пространной долине <…>. Един, оставлен среди природы пустынник! Вострепетал.*

— Несчастный, — возопил я, — где ты? Где девалося все, что тебя прельщало? Где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? — По счастию моему ***случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья*** [Радищев, 1992, с. 7];

(2) Сумароков: *Я прохаживался посреди опустошенного Рима, рассматривал погребенный Геркуланум, стоял над самою бездною дымящегося Везувия, шагал по ледяным верхам Швейцарских гор, разговаривал*

с первым Консулом и в кругу Мандаринов беседовал. <…> Не далее, как в сие мгновение, я катался на двенадцати весельной шлюпке по Неве, восхищался румяною зарею и внимал заунывный рожок; ***но вдруг тряхнуло в рытвину, мысль прервалась, и я в окрестностях Курска очутился*** [Сумароков, 1803, с. 33—34].

Можно было бы, конечно, объяснить это сходство одной из двух главных российских бед, если бы не очевидное ситуативное совпадение: перенесся путешественник во время дороги мысленно (или во сне) в иные миры, а тут — рытвина, которая возвращает его в реальность.

Сумароков как истинно сентиментальный путешественник (причем более радищевского, нежели карамзинского типа), будучи сосредоточен на собственном «Я», не уделяет подчас особого внимания сменяющим друг друга подробностям окружающего его пространства. Случайные встречи, даже с очень известными людьми, для Сумарокова — не столько повод рассказать о них, сколько возможность высказать собственные чувства и суждения. Так, например, нечаянная встреча в Курске с И. Ф. Богдановичем становится поводом в очередной раз высказаться против добровольной внутренней колонизации, против пристрастия ко всему заграничному: «русская Душенька дороже иностранной Психеи». При этом автор словно убеждает в этом самого Богдановича, который как будто бы страдает от забвения русской публики.

Объективная, видимая глазом реальность дает Сумарокову подчас лишь повод для переживания и размышления, пищу для воображения: *Мы остановились на небольшом возвышении верстах в 10 от города*. Но это «небольшое возвышение» — свидетель истории — свидетель судьбоносного для России полтавского сражения. *Льзя ли изъяснить те чувствования, которыя я ощущал в оныя минуты*, — восклицает Сумароков, оказавшись на месте Полтавской битвы. — *Я приходил в жалость, в восторг, а потом, исполняясь сильного воображения, отдвигал бытие мое почти целым веком к прошедшим временам, и становился зрителем того чрезвычайного происшествия* [Сумароков, 1803, с. 58—59]. Воображая события прошлого, Сумароков переходит на архаичный язык (как Радищев, пишущий о Ломоносове, или Карамзин в «Марфе-посаднице»), который кажется ему более пристойным для описания великих дел великого человека: *Я мечтаю, как величавый Петр с обнаженною шпагою, с уверенной осанкой разъезжает там на гордом коне, как росские полки с неустрашимой выступью идут на своих врагов; я зрю, как строптивый Карл, обыкших к победам брано носцев своих, подстрекает мужеством, как развеваются распущенные знамена двух держав, и как с обеих сторон в пущем*

жаре открываются воинские действия. <…> Уже парящая слава звучит в златую трубу, вдруг враждующие шведы сокрываются, отчаяние и пыль несутся вослед их к днепровским берегам, и одни россы на поле сражения, поделяя между собою лавры, воспевают победу [Сумароков, 1803, с. 60].

Возвратившись из такого воображаемого путешествия в прошлое, Сумароков отправляется в соседний Воздвиженский монастырь, где, принимая угощения архимандрита, произносит тост: *Вечная память покойному Карлу XII <…> не пить бы мне этой у вас вишневки, а вашему преподобию не служить бы обедни в здешнем монастыре, когда бы он не проиграл того сражения* [Сумароков, 1803, с. 63]. Переход от высокого пафоса воображения о событиях прошлого к бытовым деталям настоящего — характерная черта путевого нарратива в «Досугах крымского судьи».

В отличие от не упомянутого ни разу Карамзина, а тем более Радищева, имя Стерна встречается у Сумарокова несколько раз. Причем каждый раз он подчеркивает свое с ним различие: *Не ищи во мне ни Стерна, ни Дюпати*, — пишет он, обращаясь к читателю. — *Они редки, неподражаемы; однакоже всему есть своя мера и свой вес. Будь благосклонен к моим рассказам* [Сумароков, 1803, с. 226]. *Почто я не Стерн, почто не имею у себя Элизы, и почто тою кистью не могу я начертать ей движения моей души!* — восклицает Сумароков [Сумароков, 1803, с. 139]. Стать Стерном ему мешает, прежде всего, цель путешествия в Тавриду и по ней. Это почти карамзинское сожаление (сравним в «Бедной Лизе»: *Почто пишу не роман, а печальную быль?*) объясняется тем, что несмотря на свое название — «досуги» — поездка эта носит отнюдь не туристический характер. Свои «досуги» крымский судья Сумароков старается употребить на пользу государства.

В самом названии его травелога словно декларируется попытка соединить человеческое и гражданское. Сумароков как повествователь выступает в двух ипостасях: сентиментальный путешественник и ответственный чиновник и гражданин. Этим определяется очевидная неровность его произведения, сочетающего классицистическую убежденность, что всякий человек должен быть гражданином и полезным сыном Отечества, с сентиментально чувствительным воображением путешественника. Но, одновременно, именно эта «двуликость» автора-путешественника определяет и абсолютную недискретность повествовательной структуры его произведения, в которой указанные аспекты сопряжены и неразделимы.

Источники и принятые сокращения

1. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. — Москва : Правда, 1988. — 544 с.

2. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву / А. Н. Радищев. — Санкт-Петербург : Наука, 1992. — 671 с.

3. *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова / П. И. Сумароков. — Санкт-Петербург : Императорская типография, 1803. — Часть I. — 276 с.

4. *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова / П. И. Сумароков. — Санкт-Петербург : Императорская типография, 1805. — Часть II. — 273 с.

Литература

1. *Алексеев П. В.* Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 16.03.16 / П. В. Алексеев. — Томск, 2016. — 40 с.

2. *Анучин Д. Н.* Судьба первого издания «Путешествия» А. Н. Радищева / Д. Н. Анучин // О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). — Москва, 1950. — С. 293—317.

3. *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г. Г. Елизаветина // Русский и западно-европейский классицизм. Проза. — Москва, 1982. — С. 235—263.

4. *Куликова А. А.* Путевая проза в русской литературе XVIII начала XIX века / А. А. Куликова // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2008. — № 4. — С. 241—243.

5. *Мамуркина О. В.* «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова : специфика пейзажных описаний / О. В. Мамуркина // Русский травелог XVIII—XX веков. — Новосибирск, 2015. — С. 224—232.

6. *Мамуркина О. В.* Травелог в русской литературной традиции : стратегия текстопорождения / О. В. Мамуркина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (27). — Часть II. — С. 110—112.

7. *Милюгина Е. Г.* Русская культура в зеркале путешествий / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. — Тверь : Тверской государственный университет, 2013. — 176 с.

8. *Печерская Т. И.* Проект «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII — начала XX в.”» : к постановке проблемы / Т. И. Печерская // Русский травелог XVIII —XX веков : маршруты, топосы, жанры и нарративы. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. — С. 8—19.

9. *Третьяк А.* Книга, ставшая документом / А. Третьяк // Первые книги Одессы. — Одесса : Optimum, 2011. — С. 63—69.

10. *Фарафонова О. А.* Маршруты русских травелогов XVIII века / О. А. Фарафонова // Русский травелог XVIII—XX веков : маршруты, топосы, жанры и нарративы. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. — С. 261—285.

11. *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790—1840 / А. Шёнле. — Санкт-Петербург, 2004. — 272 с.

Oriental Travelogue by Pavel Sumarokov (“Leisure of Crimean judge or Second journey to Tavrida”)

© **Farafonova Oksana Anatolyevna (2017),** PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Literature, Literature Theory and Methods of Literature Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), oxana.faroks@yandex.ru.

The article examines the memoir text by P. I. Sumarokov “Leisure of Crimean judge or Second journey to Tavrida” in the context of travel literature of the XVIII—XIX centuries. The work is done within the framework of the research project “Annotated sign “Russian travelogue of the XVIII — early XIX century” supported by the Russian State Scientific Fund. The novelty of the research lies in the fact that special attention is paid to the narrative strategies of the author. The determining factors in the choice of the latter are the direction of travel (“inner East” of the Russian Empire) and the specific vision of the author-narrator. The latter is linked with pairing the classic and sentimental tendencies. Separately, the author stops on the binary oppositions that determine the attitude of the traveller: “West — East” and “capital — province”. The first parts of these oppositions are invariably associated with sentimental and idyllic experiences of the narrator. The article reveals the specificity of the image of the narrator, conjugating two forms: the sentimental traveller and the responsible official and a citizen. Attention is also given to expression in the narrative of strategies of the traveller-narrator of colonising and being colonised types of consciousness. The author also focuses on the intertextual relations of the analyzed work. It is concluded about non-discreet narrative structure of “Leisure of Crimean judge”.

Key words: travelogue; narrative strategies; Orientalism; sentimentalism; classicism.

Material resources

Karamzin, N. M. 1988. *Pisma russkogo puteshestvennika*. Moskva: Pravda. (In Russ.).

Radishchev, A. N. 1992. *Puteshestviye iz Peterburga v Moskvu*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).

Sumarokov, P. I. 1803. *Dosugi krymskogo sudyi ili vtoroye puteshestviye v Tavridu Pavla Sumarokova*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya tipografiya. I. (In Russ.).

Sumarokov, P. I. 1805. *Dosugi krymskogo sudyi ili vtoroye puteshestviye v Tavridu Pavla Sumarokova*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya tipografiya. II. (In Russ.).

References

Alekseev, P. V. 2016. *Vostok i vostochnyy tekst russkoy literatury pervoy poloviny XIX veka: kontseptosfera russkogo orientalizma:* avtoreferat dissertatsii … doktora filologicheskikh nauk. Tomsk. (In Russ.).

Anuchin, D. N. 1950. Sud’ba pervogo izdaniya «Puteshestviya» A. N. Radishcheva. In: *O lyudyakh russkoy nauki i kultury (statyi, nekrologi i zametki)*. Moskva. (In Russ.).

Elizavetina, G. G. 1982. Stanovleniye zhanrov avtobiografii i memuarov. In: *Russkiy i zapadno-yevropeyskiy klassitsizm. Proza*. Moskva. (In Russ.).

Farafonova, O. A. 2016. Marshruty russkikh travelogov XVIII veka. In: *Russkiy travelog XVIII—XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy*. Novosibirsk. (In Russ.).

Kulikova, A. A. 2008. Putevaya proza v russkoy literature XVIII — nachala XIX veka. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta, 4:* 241—243. (In Russ.).

Mamurkina, O. V. 2015. «Puteshestviye po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu» P. I. Sumarokova: spetsifika peyzazhnykh opisaniy. In: *Russkiy travelog XVIII—XX vekov.* Novosibirsk. (In Russ.).

Mamurkina, O. V. 2013. Travelog v russkoy literaturnoy traditsii: strategiya tekstoporozhdeniya. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 9 (27):* 110—112. (In Russ.).

Milyugina, E. G., Stroganov, M. V. 2013. *Russkaya kultura v zerkale puteshestviy*. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

Pecherskaya, T. I. 2016. Proyekt «Annotirovannyy ukazatel “Russkiy travelog XVIII — nachala XX v.”»: k ostanovke problem. In: *Russkiy travelog XVIII—XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy.* Novosibirsk. (In Russ.).

Shonle, A. 2004. *Podlinnost’ i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy. 1790—1840*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

Tretyak, A. 2011. Kniga, stavshaya dokumentom. In: *Pervyye knigi Odessyy*. Odessa: Optimum. (In Russ.).